

М. Е. МОНАСТЫРСКАЯ

«РЕСЛОБОДИЗАЦИЯ» ГОРОДОВ – ЭФФЕКТИВНЫЙ ОТВЕТ НА ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ. ЧАСТЬ I: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

**“RESLOBALIZATION” OF CITIES AS AN EFFECTIVE RESPONSE
TO THE EPIDEMIOLOGICAL CHALLENGE OF THE CONTEMPORARY.
PART I: GENERAL PROVISIONS, RESEARCH HYPOTHESIS**

Статья посвящена проблеме адаптации среды жизнедеятельности населения крупных и крупнейших городов к витально-опасным вызовам пандемии новой коронавирусной инфекции. Высказано предположение о том, что исторически сложившиеся города в их традиционной ипостаси обладают определенным «противоэпидемиологическим» потенциалом морфотипологического генеза, который необходимо учитывать, целесообразно использовать и желателен наращивать в экстремальной ситуации глобальной эпидемии COVID-19. Рабочая гипотеза исследования сформулирована на основе результатов мониторинга данных официальной петербургской статистики, отражающей динамику заболеваемости горожан новой коронавирусной инфекцией, начиная с марта 2020 г. Наиболее стабильная эпидобстановка, согласно этим результатам, сохраняется в исторических пригородах «северной столицы» и ее центральных административных районах. Центр Санкт-Петербурга изначально обустроивался как «конгломерат слобод» – доиндустриальных и протоиндустриальных градостроительных морфотипов, издревле присущих российской градостроительной культуре. Городские слободы, сохранившие в ходе исторически предопределенной морфотипологической трансформации свои планировочные характеристики, стали основой формирования в структуре мегаполиса множества территориально-пространственных локусов – обособленных компонентов городского ландшафта, в границах которых, при необходимости введения жестких мер регулирования эпидемиологической обстановки в Санкт-Петербурге, возможно сохранить «идеальнотипические» качества городского образа жизни и где наиболее эффективно работают медикоориентированные «антипандемийные» регуляторы: «дезагрегация», «дистанцирование», «дезинфекция».

Ключевые слова: безопасность, городская слобода, градостроительный морфотип, пространственный локус, пандемия, «противоэпидемиологический» потенциал, среда обитания, трансформация

The article is devoted to the problem of adaptation of the living environment of the population of large and largest cities to the vital and dangerous challenges of the new coronavirus pandemic. The author suggests that historically developed cities in their traditional hypostasis have a certain “anti-epidemic” potential of morphotypological genesis, which must be taken into account, it is advisable to use and it is desirable to increase in the extreme situation of the global COVID-19 epidemic. The working hypothesis of the study is formulated on the basis of the results of monitoring the data of the official St. Petersburg statistics, which reflect the dynamics of the incidence of new coronavirus infection among citizens, starting from March 2020. According to these results, the most stable epidemiological situation persists in the historical suburbs of the “northern capital” and its central administrative districts. The center of St. Petersburg was originally developed as a “conglomerate of settlements” – pre-industrial and proto-industrial urban planning morphotypes that have been inherent in the Russian urban planning culture since ancient times. Urban settlements, which preserved their planning characteristics in the course of a historically predetermined morphotypological transformation, became the basis for the formation of a set of spatial loci in the structure of a megalopolis – separate components of the urban landscape, within which, if necessary, the introduction of stringent control measures and epidemiological situation in St. Petersburg, it is possible to protect “idealizations” quality of urban life and where work most effectively medicareinsurance “antipandemic” sliders “disaggregation”, “distancing”, “disinfection”.

Keywords: safety, urban settlement, urban morphotype, spatial locus, pandemic, «anti-epidemic» potential, habitat, transformation

«Цивилизация <...> была выпестована в городе; город – тот центр, из которого влияние современной цивилизованной жизни расходится, как круги по воде, во все концы земли, и оттуда оно контролируется. Неизбывные проблемы современного общества наиболее остро проявляются в городе. Проблемы современной цивилизации – это типично городские проблемы» [1]. Тезис американского социолога Луиса Вирта, сформулированный им в работе «Урбанизм как образ жизни» еще в 1938 г., актуален и сегодня, так как именно такой проблемой стала урбанистическая «нацеленность» распространения глобальной эпидемии новой коронавирусной инфекции.

COVID-19 «бросил вызов современной урбанизации. Эпоха постпандемии с ее социальным дистанцированием, повышенной ценностью санитарии и гигиены ставит под вопрос строительство квартир, жилых зданий, городских районов, общественных пространств в той традиционной форме, которую мы все знаем. Пандемия показала необходимость новых архитектурных и градостроительных решений для организации городской жизни» [2]. Потребность в архитектурно-градостроительных новациях и инновациях, чем бы они не мотивировались, вечна, благотворна и неисчерпаема; вполне возможно – и исторические прецеденты тому подтверждение, – что переживаемая планетой эпидемиологическая катастрофа послужит весомым основанием «изменений подходов к организации городского пространства и проектированию жилых и общественных зданий» [2]. Однако велика и вероятность того, что исторически обустроенные города в их традиционной ипостаси уже обладают значительным «противоэпидемиологическим» потенциалом, который целесообразно учитывать, использовать и наращивать в ситуации тотальной экспансии смертоносной инфекции. Такое предположение, на наш взгляд, небезосновательно.

Открытые данные официальной петербургской статистики, отражающей динамику заболеваемости горожан COVID-19, начиная с марта 2020 г., свидетельствуют о том, что наиболее стабильную эпидемиологическую картину медики наблюдают в историческом центре города и его пригородах; значительно хуже складывается ситуация в ряде жилых районов и микрорайонов (кварталов) индустриальной советской застройки; крупномасштабные же градостроительные «новообразования» последнего тридцатилетия являют собой примеры крайнего эпидемиологического неблагополучия [3, 4]. Аналогичная эпидобстановка зафиксирована сегодня во многих крупнейших и крупных

исторических городах России: Воронеже, Иркутске, Краснодаре, Нижнем Новгороде, Хабаровске, Ярославле и др. [5–12]. Наша гипотеза состоит в том, что определенные характеристики разновременных градостроительных морфотипов (территориально-градостроительные, ситуационно-генезисные, композиционно-планировочные, архитектурно-пространственные, социально-функциональные), свойственных тому или иному городскому поселению, обуславливают безуспешность или успешность адаптации среды жизнедеятельности населения к витально-опасным вызовам пандемии, либо способствуя распространению новой коронавирусной инфекции, либо позволяя городскому сообществу с ней бороться методами централизованного управления и социальной саморегуляции.

Согласно рекомендациям доказательной медицины, важнейшими направлениями приспособления социальной и предметно-материальной составляющих городской среды к экстремальным условиям глобальной эпидемии (в перспективе – иного гипотетического эпидемиологического коллапса) и, возможно, значимыми акцентами градостроительной деятельности в будущем являются «дезагрегация», «дистанцирование» и «дезинфекция» [13–16]. На разных уровнях регулирования урбанизации весомость перечисленных медикоорентированных «начал» достижения эпидемиологической безопасности пространств и мест обитания неодинакова. Так на уровне организации урбанизированных ландшафтов наиболее актуальна «дезагрегация», на уровне формирования городских ландшафтов преимущественно задействованы «дезагрегация» и «дистанцирование», на уровне образования архитектурных ландшафтов в равной степени востребованы и «дезагрегация», и «дистанцирование», и «дезинфекция»; на уровне же организации застройки уместны «дистанцирование» и «дезинфекция».

Итак, наиболее эффективно, согласованно и равнозначно противоэпидемиологические регуляторы работают на уровне обустройства архитектурных ландшафтов крупных городов¹. Поэтому сегодня речь идет о вычленении и/или формировании в структуре мегаполисов плотно заселенных, гетерогенных [1], но, при этом, «персонифицированных» и целостных в социальном плане, «полифоничных»

¹ К этому уровню обустройства среды обитания можно отнести такие градопланировочные морфотипы, как, например, небольшой район, микрорайон, кластер, квартал, комплекс, жилая группа, а в исторической ретроспективе – предместье, посад, слобода, рядок (порядок) и др.

в функциональном смысле [17], добротой организованных в планировочном отношении, комфортных в части сохранения и обретения людьми доверия друг к другу территориально-пространственных «единиц» – базовых локусов, в границах которых при необходимости введения жестких мер регулирования эпидемиологической обстановки в городе (и не только!) возможно сохранить и преумножить «идеальнотипические» [18] качества городского образа жизни. В Санкт-Петербурге своеобразными морфотипологическими прототипами таких локусов и градопланировочной основой их обособления оказались «слободы» – доиндустриальные и protoиндустриальные формы организации пространств жизнедеятельности специфических контингентов населения – «слобожан» [19]².

«Реслободизация» Санкт-Петербурга как результат приспособления пространства города к экстремальным условиям нарастания пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 состоялась. Состоялась быстро и вполне успешно. Под «реслободизацией» нами понимается процесс, обратный так называемому «выслободению городов» [19], продвижению которого российские урбанисты увлеченно, энергично и небезрезультатно способствовали в конце XX – начале XXI в. и которое осуществляется посредством «самостроительства города из материала слободы» сообразно трехкомпонентной индивидуальной социально-культурной программе («экологическая», «ностальгическая», «экономическая» области развития) [19]. Так, по Глазычеву, ускорение «и уплотнение процессов усложнения средовой структуры слободы в ее потенциальном движении к городу достижимы за счет эффекта совместного действия, который возникает при активном освоении этих процессов активным культурным меньшинством, если оно способно действовать не в разрез с поведением пассивного культурного большинства, а в технологии подхватывания его жизненных повседневных интересов» [19]. В ситуации гло-

бальной эпидемиологической катастрофы городские сообщества «расслоились», не только и не столько на «пассивное культурное большинство», закосневшее, по убеждению многих урбанистов, в своем слободском самосознании и, следовательно, образе жизни, не имеющем с городским ничем общего [18–20], и «активное культурное меньшинство», уже изжившее и отринувшее на пути к свободе свое «слободское прошлое», сколько на три иные относительно дееспособные категории граждан – представителей властных структур, медиков и собственно горожан, каждая из которых по-своему противостоит планетарной угрозе.

Несмотря на то, что Санкт-Петербург до сего дня позиционируется городским и мировым сообществами как наиболее европеизированный в культурно-градостроительном отношении российский мегаполис, слободская сущность социально-пространственного менталитета населения сохраняется и проявляется здесь не в меньшей степени, чем в провинциальных городах России различной крупности и «зрелости». Незавершенность процесса «выслободения» Санкт-Петербурга, наряду с осознанием городскими властями, медиками и горожанами «эпидемиологических аспектов социальной реальности» [24] и «крайним прагматизмом» как «пути к настоящему творчеству» [24], стали тремя базовыми мотивациями процесса «реслободизации» в «северной столице» в период эпидемиологического бедствия.

Первая мотивация обусловила мгновенную неформальную агрегацию локальных территориальных общностей – консолидацию «слобожан» по месту постоянного проживания – в момент осознания масштаба пандемии и возможностей коллективной борьбы с ней. Вторая обеспечила непрерывность административного регулирования (директивного, рекомендательного) процессов жизнедеятельности населения в режимах самоизоляции, частичного снятия ограничений, соблюдения минимальных ограничений, введенных городскими властями в соответствии с медицинскими требованиями к обустройству пространств и мест обитания в период эпидемиологического неблагополучия [13, 16], а также – активацию социальной саморегуляции городской жизни на тех же основаниях, в целях достижения эпидемиологической безопасности жилой среды и постепенного формирования коллективной иммунологической состоятельности горожан. Третья мотивация привела к резкому повышению эффективности современного использования субъектами градостроительных отношений наличествующих на уровне градопланировочной организации среды обитания городских ресурсов.

² По Жерихиной, слобода – это «место компактного расселения людей по национальному или профессиональному признаку, место расквартирования военной части» [21]. По Глезеру, «слободы <...> возникли с самого начала основания Петербурга и формировались они по национальному или профессиональному признаку, а также в связи с расквартированием военной части» [22]. По Бондарчук, слободы представляли собой «территориально обособленные и социально однородные поселения в СПб.» [23]. Население слобод «выделялось родом занятий, сословной принадлежностью, происхождением или вероисповеданием» [23].

Исторический центр Санкт-Петербурга, как известно, изначально формировался как «конгломерат слобод» [25], активно включавшихся в городскую контекст с учетом интегративного, агломерационно ориентированного градостроительного подхода [25] к созданию новой столицы Российской Империи. Насыщенность и гетерогенность городской среды при ее градотипологической «слободской» однородности обуславливалась разнообразием знаковых качеств, сообразно которым выделялись в границах Санкт-Петербурга эти первичные территориально-пространственные «единицы», закрепившиеся в их названиях. Так топонимикой города проявлялись природно-экологические свойства заселенных территорий (слободы «Мокруша», «Пески», «Охтенская» и др.), их функциональные (слободы «Гончарная», «Госпитальная», «Компанейская», «Кузнечная», «Литейная», «Прядильная» и др.) или символические (слободы «Рождественская», «Александровская», «Ильинская» и др.) доминанты, преимущественный род занятий их жителей (слободы «Бочарная», «Гребецкая», «Лоцманская», «Мастерская», «Пушкарская», «Ямская» и др.), преобладающая национальная принадлежность городских обывателей (слободы «Греческая», «Итальянская», «Немецкая», «Русская», «Татарская», «Французская» и др.) [21–23, 26].

Особое место в территориально-пространственной структуре города и его предместий изначально отводилось военизированным образованиям – полковым слободам [26]. К таким объектам в первую очередь относились слободы элитарных петровских и анненского Лейб-гвардии полков: Преображенского, Семёновского, Измайловского [22, 25, 26]. Первоначально, в 1720–1730-х гг. солдат и офицеров этих полков, переведенных из Подмоскovie в Санкт-Петербург, «расквартировывали в разных частях города по «обывательским» домам» [27] на Адмиралтейской, Петербургской и Московской сторонах, на Васильевском острове [21, 26, 28]. Окончательную территориальную привязку в предместьях Санкт-Петербурга, за рекой Фонтанкой (Фонтанной рекой) слободские поселения «измайловцев», «преображенцев» и «семёновцев» обрели в конце 1730-х – начале 1740-х гг. [25–29]. В конце XVIII в. полковые слободы вошли в границы города [29, 30]: в состав его Адмиралтейской, Литейной, Московской полицейских частей [31].

Морфотипологическая трансформация этих образований, состоявшаяся с течением времени на основе главных принципов петербургского градостроения – «регламентации, регулярности и ансамблевости» [25], обеспе-

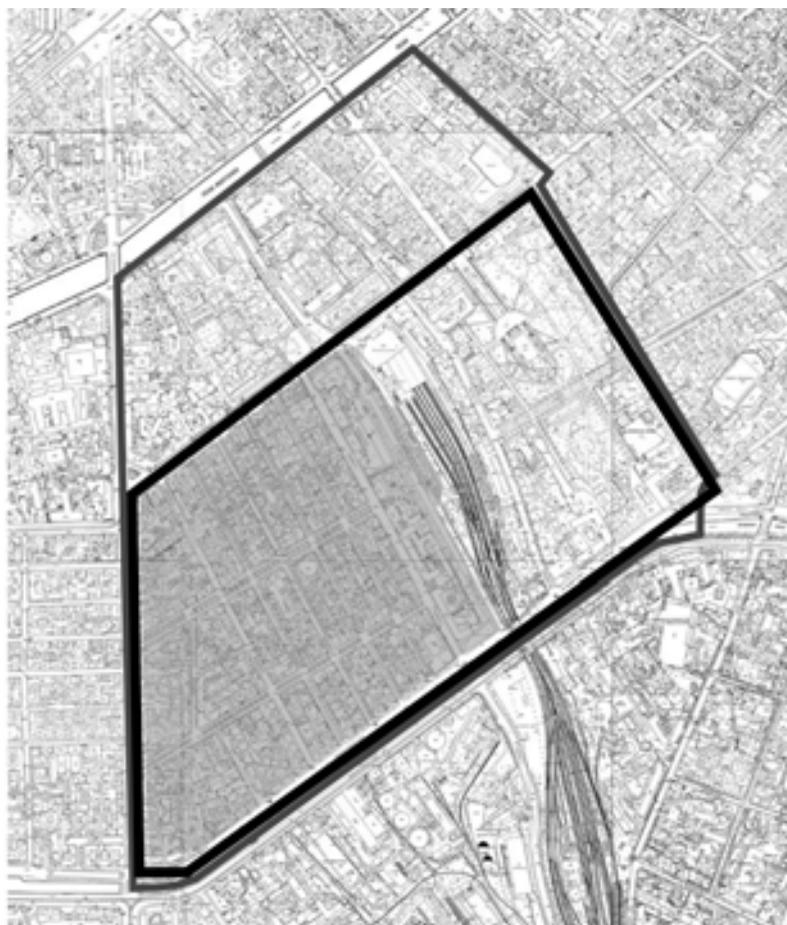
чила исключительное своеобразие и неповторимость архитектурных ландшафтов высокого уровня центральности при сохранении подобия их градопланировочных структур. Последние, несмотря на радикальную диверсификацию базовых функций полковых слобод и неоднократные градостроительные реконструкции территорий, заключенных в их границах, [26; 30; 32 ЛЛ. 17-18, 22-24, 26-28; 33; 34 ЛЛ. IX, XVII, XXII; 35 ЛЛ. 56-58, 61, 36-39, 69-72), изменились за три с лишним века незначительно и до сего дня характеризуются компактностью, подчеркнутой регулярностью, соразмерностью и некой «автономностью поведения» [36] по отношению к «смежным» градопланировочным формам. Отмеченные устойчивость к видоизменению во времени и «автономность поведения» градопланировочных структур стали фундаментальной основой трансформации исходных слободских пространств, результаты которой отличаются ясностью градостроительной композиции, индивидуальностью архитектурных решений зданий, строений, сооружений, гармоничностью ландшафтных форм и, за редким исключением, целостностью и завершенностью среды [37]. Современная социальная составляющая бывших полковых территориально-пространственных «единиц» выделяется среди иных городских объектов, относящихся к уровню архитектурного ландшафта, несомненной «персонализацией» [19], гетерогенностью при наличии определенной целостности и даже «монолитности» первичных территориальных общностей, что, в свою очередь, послужило основой успешного приспособления населением этих архитектурно-планировочных образований к непростым условиям «пандемийной реальности».

Проверка нашей гипотезы проводилась на примере типичного петербургского локуса, активно освоенного горожанами, соблюдавшими режимы самоизоляции, частных и минимальных ограничений [13], который располагается в исторических границах слободы Лейб-гвардии Семёновского полка, давшей название историческому району города «Семенцы» [22] и МО «Семёновский» (Адмиралтейский район Санкт-Петербурга) [38]³. Границами этого локуса площадью около 66 га (65,9689 м²) стали магистрали общегородского значения – Московский и Загородный проспекты, набережная Обводного канала, и улица мест-

³ Границы исторического района «Семенцы» воспроизводят слободские границы середины – последней четверти XVIII в.: по версии С.Е. Глезерова район ограничивался «Звенигородской улицей, Обводным каналом, Загородным и Обуховским (ныне Московским) проспектами» [22].

ного значения в жилой застройке – улица Введенского канала (см. рисунок). Объект изучения включает: а) западный территориальный фраг-

мент бывшей предместной слободы Лейб-гвардии Семёновского полка, отведенный под городскую «обывательскую застройку» [27, 29]

- - границы МО "Семеновский" Адмиралтейского района Санкт-Петербурга (2021 г.)
- - границы слободы Лейб-гвардии Семёновского полка (1798 г.)
- - территория в границах объекта исследования

Административно-территориальная и историко-градостроительная принадлежность объекта исследования

при ее комплексной реконструкции⁴, состоявшейся здесь на рубеже XVIII-XIX вв. [30] в развитие крупных градостроительных преобразований Российской столицы, инициированных и частично реализованных «Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» [25]; б) незначительную часть ее восточного фрагмента – участка собственно «казарменного городка» [29]. Именно здесь, «на Семенцах» [28], как говорят «аборигены», в ходе натуральных

⁴ Проекты реконструкции были разработаны в 1796-1797 гг. архитекторами Ф.И. Волковым и Ф.И. Демерцовым [30].

обследований нами выявлялись тенденции, способы и приемы достаточно эффективно воплощения локальной территориальной общностью и властями противоэпидемиологических требований «дезагрегации», «дистанцирования» и «дезинфекции»⁵.

⁵ Имеет смысл подчеркнуть, что реализация последнего требования применительно к архитектурному ландшафту является прерогативой муниципальных властей и городских «коммунальщиков». Так в весенне-летний период дважды в день в Семенцах осуществлялась санитарно-гигиеническая обработка тротуаров и проезжих частей улиц, переулков,

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Урбанизм как образ жизни. М.: STRELKA PRESS, 2016. С. 7–75.
2. *Птичникова Г.А., Антюфеев А.В.* Город «после». Пандемия как градостроительная проблема // Социология города. 2020. № 3. С. 5–13.
3. Карта заражений по районам Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yandex.ru/images/search> (дата обращения: 10.12.2020).
4. Питерская карта коронавируса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.spb.mash.ru/letter/spb-covid-map> (дата обращения: 10.12.2020).
5. Карта заражения коронавирусом в Нижнем Новгороде [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vgoroden.ru/statyi/karta-zarazivshih-sya-koronavirusom-v-nizhnem-novgorode (дата обращения: 03.11.2020).
6. Карта распространения коронавирусной инфекции в Иркутской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.irk.ru/covid/ (дата обращения: 04.11.2020).
7. Коронавирус в Воронеже и Воронежской области – новая статистика, сводка и карта заражения коронавирусом по районам и городам [Электронный ресурс]. Режим доступа: koronavirusa.site/karta-koronavirusa-v-voronezhskoj-oblasti (дата обращения: 04.11.2020).
8. Коронавирус в Краснодарском крае сегодня [Электронный ресурс]. Режим доступа: coronavirus-control.ru/coronavirus-krasnodar-region (дата обращения: 04.11.2020).
9. Коронавирус. Онлайн статистика коронавируса Covid-19 в Хабаровском крае на сегодня [Электронный ресурс]. Режим доступа: coronavirus-monitor.ru (дата обращения: 04.11.2020).
10. Коронавирус. Оперштаб Нижегородской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: vk.com/kovid19nn (дата обращения: 03.11.2020).
11. Коронавирус. Оперштаб Ярославской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: vk.com/koronavirus76 (дата обращения: 03.11.2020).
12. Статистика коронавируса в Хабаровске на сегодня [Электронный ресурс]. Режим доступа: vk.com/koronavirus76 (дата обращения: 04.11.2020).
13. Начало эпидемии COVID-19 / С.Ф. Багненко, Н.А. Беляков, В.В. Рассохин, Т.Н. Трофимов и др. СПб.: Балтийский медицинский образовательный центр, 2020.
14. *Кмита М.* Как после пандемии изменятся общественные пространства и наша жизнь в городе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.buro247.ru/culture/architecture/14-apr-2020-urban-landscape-after-covid.html> (дата обращения: 26.09.2020).
15. *Иванова О.* Город после пандемии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tatlin.ru/articles/gorod_posle_pandemii (дата обращения: 25.09.2020).
16. СП 3.1.3597-20 Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID 19) [Электронный ресурс]. Режим доступа: docs.document/564979137 (дата обращения: 21.10.2020).
17. *Коряковская Н.* Что будет с городом после пандемии? [Электонный ресурс]. Режим доступа: <https://arhi.ru/Russia/86412/chto-budet-s-gorodom-posle-pandemii> (дата обращения: 25.09.2020).
18. *Вирт Л.* Жизнь в городе // Урбанизм как образ жизни. М.: STRELKA PRESS, 2016. С. 77–98.
19. *Глазычев В.Л.* Выслободение городов // О городе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.glazychev.ru/habitations%26cities/1993_vyslob_gorodov.htm (дата обращения: 04.10.2020).
20. *Вирт Л.* Различия между сельским и городским // Урбанизм как образ жизни. М.: STRELKA PRESS, 2016. С. 99–107.
21. *Жерихина Е.И.* Слобода // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия: в 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие: в 2 кн. Кн. 2: Н-Я / отв. ред. П.Е. Бухаркин. 2-е изд., испр. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательский центр «Академия», 2003. С. 313–314.
22. *Глезеров С.Е.* Исторические районы Петербурга. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издательство «Глагол», 2006.
23. *Бондарчук Е.А.* Слободы // Санкт-Петербург: энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ООО «Бизнес-пресса»; М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 808.
24. *Браттон Б.* 18 уроков карантинного урбанизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://strelkamag.com/ru/article/18-urokov-karantinnogo-urbanizma> (дата обращения: 04.10.2020).
25. Градостроительное величие Санкт-Петербурга. 300 лет единой государственной градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге. 1706-2006: каталог выставки / сост. С.В. Семенцов. СПб.: Туристический и Культурный Центр «Эклектика», 2006.
26. Санкт-Петербург на планах и картах первой половины XVIII века / С.В. Семенцов, О.А. Красникова,

проспектов, набережной с привлечением специализированного мини-транспорта. Трижды за прошедшее лето специальными бригадами проводилась противоэпидемиологическая обработка лицевых фасадов зданий различного назначения на уровне 1-2-го этажей. В течение последнего квартала существенно ужесточился контроль со стороны городских и местных властей за выполнением сотрудниками управляющих компаний и представителями собственников (пользователей) нежилых помещений санитарно-гигиенической обработки вертикальных коммуникаций в жилых и общественно-деловых зданиях и сооружениях, за соблюдением регламентов Роспотребнадзора как владельцами и арендаторами объектов обслуживания населения, так и потребителями соответствующих услуг. Подобные меры несомненно способствовали стабилизации эпидемиологической обстановки в локусе, а также – создали благоприятные предпосылки для творческой самореализации «слобожан» в части «дезагрегации» и «дистанцирования», являющихся сегодня неперемненными условиями выживания в мегаполисе.

Т. П. Мазур, Т. А. Шрадер. СПб.: ООО Туристический и Культурный центр ЭКЛЕКТИКА, 2004.

27. Семеновский полк / Мир Петербурга [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://polki.mirpeterburga.ru/semion/topo> (дата обращения: 14.10.2020).

28. Зимин И. А. На Семенцах. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2011.

29. Кириков Б. М., Марголис А. Д. Пионерская площадь. Л.: Лениздат, 1983.

30. Мурашова Н. В. Федор Демерцов. (Архитекторы Санкт-Петербурга). СПб.: «Белое и Черное», 2002.

31. Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга / авт.-сост. С. В. Алексеева, Е. А. Балашов, А. Г. Владимирович и др. СПб.: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2002.

32. Атлас столичного города Санкт-Петербурга, состоящий из одиннадцати частей и 55 кварталов. 1806. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 22510.)

33. План Города С.Петербурга, составленный по новейшим официальным источникам. Изд-е Ф. В. Шепанского. СПб.: Печатано в артистическом завед. А. Ф. Маркса, 1894. (РНБ К (3-Пб)/186 6).

34. Подробный план Столичного города С.Петербурга снятый по масштабу под начальством Генерал-майора Шуберта. СПб.: Грав. При Военно-Топографическом Депо, 1828. (РНБ К (2-Пб)/58).

35. Атлас столичного города Санкт-Петербурга, состоящий из одиннадцати частей и 51 квартала. 1798. (ЦИА СПб. Ф. 513. Оп. 168. Ед. хр. 319.)

36. Хромов Ю. Б. Планировочная организация рекреационных зон в городах и групповых системах расселения. Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, ЛенНИИПродостроительства, 1975.

37. Закон Санкт-Петербурга «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон» (Принят ЗК СПб 15 июля 2020 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi. (дата обращения: 28.11.2020).

38. Муниципальный округ Семёновский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://semenovskiy.rf/istoria-municipalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 07.12.2020).

REFERENCES

1. Virt L. Urbanism as a way of life. *Sbornik «Urbanizm kak obraz zhizni»* [Collection "Urbanizm kak obraz zhizni"]. М., STRELKA PRESS, 2016, pp. 7-75. (in Russian)

2. Ptichnikova G. A., Antyufeev A. V. The city "after". Pandemic as a town-planning problem. *Sociologiya goroda* [Sociology of the city], 2020, no.3, pp. 5-13. (in Russian)

3. *Karta zarazhenij po rajonom Sankt-Peterburga* (Map of infections in the districts of St. Petersburg.). Available at: <http://www.yandex.ru/images/search>. (accessed 10 December 2020).

4. *Piterskaya karta koronavirusa* (St. Petersburg map of the coronavirus). Available at: <http://www.spb.mash.ru/letter/spb-covid-map>. (accessed 10 December 2020)

5. *Karta zarazheniya koronavirusom v Nizhnem Novgorode* (Map of coronavirus infection in Nizhny Novgorod) Available at: www.vgoroden.ru/statyi/karta-zarazivshih-sya-koronavirusom-v-nizhnem-novgorode (accessed: 03 November 2020)

6. *Karta rasprostraneniya koronavirusnoj infekcii v Irkutskoj oblasti* (Map of the spread of coronavirus infection in the Irkutsk region) Available at: www.irk.ru/covid/ (accessed 04 November 2020).

7. *Koronavirus v Voronezhe i Voronezhskoj oblasti – novaya statistika, svoodka i karta zarazheniya koronavirusom po rajonom i gorodam* (Coronavirus in Voronezh and the Voronezh region – new statistics, summary and map of coronavirus infection by district and city) Available at: koronavirusa.site/karta-koronavirusa-v-voronezhskoj-oblasti. (accessed 04 November 2020).

8. *Koronavirus v Krasnodarskom krae segodnya* (Coronavirus in the Krasnodar Territory today) Available at: koronavirus-control.ru/koronavirus-krasnodar-region. (accessed 04 November 2020).

9. *Koronavirus. Onlajn statistika koronavirusa Covid-19 v Habarovskom krae na segodnya* (Coronavirus. Online statistics of the Covid-19 coronavirus in the Khabarovsk Territory for today) Available at: koronavirus-monitor.ru. (accessed 04 November 2020).

10. *Koronavirus. Opershtab Nizhegorodskoj oblasti* (Coronavirus. Oberstab Nizhny Novgorod region) Available at: vk.com/kovid19nn (accessed 03 November 2020).

11. *Koronavirus. Opershtab Yaroslavskoj oblasti* (Coronavirus. Oberstab Yaroslavl region.) Available at: vk.com/koronavirus76 (accessed 03 November 2020).

12. *Statistika koronavirusa v Habarovske na segodnya* (Coronavirus statistics in Khabarovsk today) Available at: vk.com/koronavirus76. (accessed 04 November 2020).

13. Bagnenko S. F., Belyakov N. A., Rassohin V. V., Trofimov T. N. *Nachalo epidemii COVID-19* [The beginning of the COVID-19 epidemic]. SPb, Baltic Medicine Educational Center, 2020.

14. Kmita M. *Kak posle pandemii izmenyatsya obshchestvennye prostranstva i nasha zhizn' v gorode* [How public spaces and our life in the city will change after the pandemic]. Available at: <https://www.buro247.ru/culture/architecture/14-apr-2020-urban-landscape-after-covid.html> (accessed 26.09.2020).

15. Ivanova O. *Gorod posle pandemii* [The city after the pandemic]. Available at: https://tatlin.ru/articles/gorod_posle_pandemii (accessed 25.09.2020).

16. A set of rules 3.1.3597-20 Prevention of new coronavirus infection COVID-19. Available at: docs.docuement/564979137 (accessed 21 October 2020).

17. Koryakovskaya N. *CHto budet s gorodom posle pandemii?* [What will happen to the city after the pandemic?] Available at: <https://arhi.ru/Russia/86412/chto-budet-s-gorodom-posle-pandemii> (accessed 25 September 2020).

18. Virt L. Life in the city *Sbornik «Urbanizm kak obraz zhizni»* [Collection "Urbanizm kak obraz zhizni"]. М., STRELKA PRESS, 2016, p. 77-98.

19. Glazychev V.L. *Vyslobozhdenie gorodov // O gorode*. [The liberation of cities / / About the city.] Available at: http://www.glazychev.ru/habitations%26cities/1993_vyslob_gorodov.htm. (accessed: 04 October 2020).
20. Virt L. Differences between rural and urban. *Sbornik «Urbanizm kak obraz zhizni»* [Collection “Urbanizm kak obraz zhizni”]. M., STRELKA PRESS, 2016, pp. 99-107.
21. ZHerihina E.I. *Sloboda/Tri veka Sankt-Peterburga: Enciklopediya: V 3-h t. – T. 1: Os'mnadcatoe stoletie: V 2-h kn. – Kn. 2: [Sloboda / Three centuries of St. Petersburg: Encyclopedia: In 3 volumes-Vol. 1: The eighth Century: In 2 books-Book 2]*. SPb., Department of Filology of SPbGU; “Akademiya” Publ., 2003, 640 p.
22. Glezerov S.E. *Istoricheskie rajony Peterburga. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Historical districts of St. Petersburg. Ed. 2nd, ispr. and add.] SPb, “Glagol” Publ., 2006.
23. Bondarchuk E.A. *Slobody / Sankt-Peterburg: Enciklopediya. – 2-e izd., ispr. i dop.* [Settlement / Saint Petersburg Encyclopedia] SPb, OOO “Business-press”; M, “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN), 2006. (P. 808).
24. Bratton B. *18 urokov karantinnoy urbanizma* [18 lessons in quarantine urbanism]. Available at: <https://strelkamag.com/ru/article/18-urokov-karantinnoy-urbanizma>. (accessed 04 October 2020).
25. Gradostroitel'noe velichie Sankt-Peterburga. 300 let edinoj gosudarstvennoj gradostroitel'noj deyatel'nosti v Sankt-Peterburge. 1706-2006: Katalog vystavki / sost. S.V. Semencov [The urban grandeur of St. Petersburg. 300 years of unified state urban planning activity in St. Petersburg. 1706-2006: Exhibition catalog / S. V. Sementsov]. SPb, Tourist and Cultural Center “Eclecticism”, 2006.
26. Semencov S.V., Krasnikova O.A., Mazur T.P., Shrader T.A. *Sankt-Peterburg na planah i kartah pervoj poloviny XVIII veka* [St. Petersburg on the plans and maps of the first half of the XVIII century]. SPb, Tourist and Cultural Center “Eclecticism”, 2004.
27. *Semenovskij polk/Mir Peterburga* [Semenovskiy polk/World of Saint Petersburg]. Available at: <http://polki.mirpeterburga.ru/semion/topo>. (accessed 14 October 2020).
28. Zimin I.A. *Na Semencah* [On Semenza]. SPb, “Nestor-History” Publ., 2011.
29. Kirikov B.M., Margolis A.D. *Pionerskaya ploshchad'* [Pionerskaya Square]. L., Lenizdat, 1983.
30. Murashova N.V. Fedor Demercov. (Arhitektoy Sankt-Peterburga) [Fedor Demercov. Architects of St. Petersburg]. SPb., “Black and White” Publ., 2002.
31. Alekseeva S.V., Balashov E.A., Vladimirovich A.G. *Toponimicheskaya enciklopediya Sankt-Peterburga* [Toponymic Encyclopedia of Saint Petersburg]. SPb, Information and publishing Agency “LIK”, 2002.
32. Atlas of the capital city of St. Petersburg, consisting of eleven parts and 55 blocks. 1806. (RGVIA. F. 846. Op. 16. No. 22510.)
33. The plan of the City of St. Petersburg, compiled according to the latest official sources. Edition of F. V. Shchepansky. St. Petersburg: Printed in the artistic factory of A. F. Marx, 1894. (RNB K (3-Pb)/186 6.)
34. A detailed plan of the Capital city of St. Petersburg shot on a scale of 1/4200 under the command of Major General Schubert. St. Petersburg: Grav. At The Military Topographical Depot, 1828. (RNB K (2-Pb)/58).
35. Atlas of the capital city of St. Petersburg, consisting of eleven parts and 51 blocks. 1798. (TsGIA SPb. F. 513. Op. 168. Ed. hr. 319.)
36. Hromov YU.B. *Planirovochnaya organizaciya rekreacionnyh zon v gorodah i grupповых sistemah rasseleniya* [Planning organization of recreational zones in cities and group settlement systems]. L.: Strojizdat, Leningr. otd-nie, LenNIIPgradostroitel'stva, 1975.
37. The law of Saint Petersburg “On amending the Law of Saint Petersburg “On the boundaries of the United zones of protection of cultural heritage located on the territory of St. Petersburg, the modes of land use and the requirements of urban planning regulations, the borders of these zones” (Adopted ZK SPb July 15, 2020). Available at: www.consultant.ru/cons/cgi/onlinecgi. (accessed 28 November 2020).
38. *Municipal'nyj okrug Semyonovskij* [Semyonovskiy Municipal District]. Available at: <https://семеновский.рф/istoria-municzipalnogo-obrazovania>. (accessed 07 December 2020).

Об авторе:

МОНАСТЫРСКАЯ Марина Евгеньевна

кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектурного проектирования Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет 190005, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 2-ая Красноармейская, 4
E-mail: gradoved@gmail.com

MONASTYRSKAYA Marina Ye.

PhD in Architecture, Associate Professor of the Architectural Design Chair Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering 190005, Russia, Saint Petersburg, Vtoraya Krasnoarmeiskaya str., 4
E-mail: gradoved@gmail.com

Для цитирования: Монастырская М.Е. «Реслободизация» городов – эффективный ответ на эпидемиологический вызов современности. Часть I: общие положения, гипотеза исследования // Градостроительство и архитектура. 2021. Т.11, № 1. С. 110–117. DOI: 10.17673/Vestnik.2021.01.15.

For citation: Monastyrskaya M.Ye. “Reslobodization” of Cities as an Effective Response to the Epidemiological Challenge of the Contemporary. Part i: General Provisions, Research Hypothesis. *Gradostroitel'stvo i arhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2021, vol. 11, no. 1, Pp. 110–117. (in Russian) DOI: 10.17673/Vestnik.2021.01.15.